

Город моего детства

Компиляция сообщений Владимира Газаряна на форуме «МОСТА»

Давно хочу напомнить своим ровесникам о наших играх, но не хватает времени.

Хочу рассказать кое-что об улицах. Моя родная улица им. Грибоедова прежде (до ВОВ) называлась Алханюртовской. На моей памяти часть улиц нашего района переименовали в честь космонавтов, так Котельная стала Поповича, появились улицы Титова, Николаева, но вместо каких не помню, была еще улица Механическая, тоже не знаю как стала называться, уже после моего отъезда из Грозного, в 70-е годы Пехотную переименовали в Чернокозова. Я помню этого вредного деда, которого часто приглашали в нашу школу на всякие коммунистические праздники, вся его заслуга была в том, что он будучи ветераном гражданской войны (а таких было в городе немало и некоторые воевали поочередно и за красных и за белых) был еще якобы близко знаком, или даже был секретарем у известного пролетарского писателя Николая Островского.

По замыслу педагогов ветеран должен был делиться с нами воспоминаниями о своем несгибаемом друге, но видимо это уже так надоело, что дедуля сбивался на свое недовольство нынешним поколением, понося наши новомодные прически одежду и неуважение к старшим. Слушать это было совершенно неинтересно, тем более что среди ветеранов Великой Отечественной войны, которых часто приглашали к нам в воспитательных целях, были интересные рассказчики, да им и было что рассказать. Я знаю, что Чернокозов жил где-то в нашем районе, видимо на той самой Пехотной.

Смотрю на фотографию школы и думаю, что посторонний человек вряд ли что-нибудь на ней увидит. Здание за забором почти не видно, да оно и не отличается от других типовых, не то, что 1-ая или 2-ая школы. Но ведь школа – это не здание, это люди. Тот, кто учился в этой школе, взглянет на фото и вспомнит знойный последний день лета - день переключки – линейка на пыльной спортивной площадке, заросшей сорняками, среди которых выделяются колючие «арбузики», их бросают друг другу за шиворот, стоит невероятный гомон – как же мы соскучились, не за учебкой конечно, а друг за другом. Какое-то ожидание нового, предвкушение радости общения, ведь за лето все мы изменились. Конечно, пройдет месяц трудного отвыкания от летней вольницы, и, все войдет в свое русло. Одни будут тянуться за отличными оценками, другие воевать между собой и с учителями, и все вместе мучительно ждать следующих каникул.

Средняя школа №20 Заводского района. Если я не ошибаюсь открыта в 1954 году. И я и все мои знакомые забыли, но, благодаря Валерию Иванову теперь знаю, что она выходила фасадом на улицу Николаева, следующая параллельная ей улица, на которую выходил фасад ПТУ примыкавшего к школе называлась Дагестанской. Вместе с ПТУ школа занимала весь квартал в поперечном направлении ограниченный улицами Таманской и Карла Маркса. Возможно, и здесь что-то путаю надеюсь кто-нибудь исправит. Директором школы со дня ее открытия был упомянутый в воспоминаниях С.М. Федосеева – Александр Айрапетович Захаров.

После его ухода и быстрой смены одного или двух директоров, фамилий которых я не помню, директором стал Рафаил Леонтьевич Арутюнян. Насколько я знаю он оставался

ее директором еще очень долго после моего выпуска. Во время моей учебы в школе училось довольно много известных в городе спортсменов – футболистов, волейболистов, гимнастов, акробатов, «художниц», борцов. В конце 60-х в школу пришел туризм, и многие туристы впоследствии выбрали профессию геолога. В частности, из нашего выпуска 4 человека поступили в ГНИ учиться на геофизика. В начале 60-х школа была известна своим духовым оркестром. У школы был хороший «шеф» -Ново-Грозненская ТЭЦ, работники которой жили в домах энергетиков в районе улицы Мира. Их дети учились в 20-ой школе. Производственное обучение, которое в тот период было введено в школах, ребята проходили на НГТЭЦ. Два раза в неделю мы ехали на край города, чтобы стать слесарями КИП, девочки в это время обучались стенографии и машинописи. Думаю, что они получили от этого больше пользы, чем мы.

Вспомнили - таки игры! Друзья ведь мы на них выросли! Даже самые нелепые игры были нужны нам для развития. Конечно, тогда мы об этом не думали, а играли, потому что интересно. Играли и в «клека» и в «цикорика», на нашей «улице» «цикорик» не прижился, желающие ходили на соседние улицы. Различия весьма незначительные, я помню только одно – главное, «клеком» назывался деревянный брусок – в идеале городок, а «цикориком» пустая консервная банка. И этот предмет надо было вышибить из небольшого круга, или хотя бы свалить, бросая палку-биту (забыл и ее особое название) поочередно с 3-х разных линий, не помню всех тонкостей правил, да они и несколько различались в различных районах города, где мне пришлось играть или наблюдать. Главное, что в игре был «водящий», впрочем, это слово я узнал впоследствии из литературы, у нас же бедняга не водил а «маялся», и если кто-то повел себя в игре недостойно, то коллектив мог принять решение «замаять» его, то есть играть все – против одного, не давая спуска и не выдавая своих. В обычных же условиях такая игра- когда кто-то, даже родные братья или ближайšie друзья, объединялись- считалась нечестной, и уличенные в сговоре с позором изгонялись из игры.

Лет с 8-ми и до 14-ти «клек» и футбол, а чаще «дыр-дыр» (мы различали их по размеру ворот и можно ли ловить мяч в воротах руками, число играющих большого значения не имело) были основными нашими летними играми. Игра могла продолжаться несколько часов, иногда играющие сменялись, но игра не прекращалась часто до полной темноты, когда мяч или «клек» уже нельзя было разглядеть.

Весной и осенью, после дождя не то, что бегать, даже ходить по грозненским улицам было непросто во все времена, особенно в моем “безасфальтовом” детстве. Это было время «колов». Пока на нашей улице не провели газ, недостатка в отменных колах у нас не было, надо было только тайком от родителей выбрать в дровяном сарайчике хороший дубовый колышек, и, что мне лично редко удавалось, хорошо заточить его острым топориком. На худой конец найти хорошую палку на акации и сделать кол из нее (тоненькие колышки имели свое название, а большие толстые дубовые – свое, долго помнил эти названия – да вот забыл, спасибо Лев напомнил Дубину, может вспомните и все другие названия?). Для Анны, а может не только для нее, надо немного рассказать об этой игре. Для игры требовалось как минимум два игрока с достаточным количеством колов, и хотя бы небольшой островок хорошо взбитой грозненской грязи, такой чтобы в нее можно было поглубже вбить брошенный с размаху хорошо заточенный кол.

Следующий игрок должен был так вбить свой кол, чтобы при этом чужой кол упал, сбитый кол становился добычей. Игра продолжалась пока в игре оставался хотя бы один кол. Если у кого-то кончались колы, он окончательно выбывал из игры. Из тактических соображений игра обычно начиналась с тоненьких колышков, и только когда из месива грязи торчало много колов в ход шли Дубины.

Играющих в «клек» я еще видел приезжая в Грозный в конце 70-х годов. А колы закончились, по крайней мере в нашем районе, наверное, не позднее начала 70-х.

В раннем детстве была еще более чумазая забава – «хлопушки». Они изготавливались из мокрой глины в виде мисочек с тонким донышком, надо было так хлопнуть ею об землю донышком кверху, чтобы последнее разлетелось с громким звуком, при этом обдав всех ждущих своей очереди яркой желтой грязью). Игра в «колы», пожалуй, была почище.

Но когда мы стали постарше и ходить совсем грязными стало стыдновато, начались «ножички», было много вариантов этой старинной забавы. Больше всего запомнилось самое эффектное упражнение – бросок «с носика» - нужно было воткнуть ножичек в землю или в дерево уперев острый кончик ножа в кончик собственного носа придерживая кончик рукоятки одним пальцем.

Была еще такая интересная игра на 3-4 человека в «дука» с лунками, палками-клюшками и мятой жестяной банкой - может кто-нибудь помнит – там надо было в особый момент приговаривать – «дук, дук запер дук».

Периодически кто-то приносил из других районов города новые игры, но большая часть этих игр не прививалась или модифицировалась с учетом наших привычек и наличия требуемых аксессуаров. Одна девочка из Москвы, гостившая у кого-то из соседей, научила нас играть в старую русскую игру – лапту, и в более простую и на время прижившуюся игру с мячом – «штандер».

Да и сами мы были достаточно изобретательны. Каждое лето мы придумывали десятки новых игр, но как правило интерес к этим играм угасал через несколько дней. Надолго прижились только «деревянный теннис», «мушкетеры» и «чакушки».

Наберусь наглости заявить, что во всяком случае в нашем районе – в окрестностях 20-ой школы, мы были инициаторами этой игры. Сказать, что мы ее придумали тоже было бы большим нахальством, мы только нашли легальный способ играть в старинную русскую азартную игру. И название ее знал и из книжек (возможно «в бабки»), и как ее называли тогда в Грозном, да уже не помню, но игра долго привлекала мое внимание, но взрослые ребята не подпускали нас к ней, и никак не удавалось узнать правила. Но как-то возле «Дома крестьянина» - весьма злачного места, я наблюдал издали за тем как играют в нее взрослые мужчины а находившиеся неподалеку друзья моего двоюродного брата Валеры, среди которых был уже тогда знаменитый юный борец Феликс Куцель, рассказали мне правила игры. Осталось две проблемы где взять деньги и где спрятаться от взрослых. На уличном совете (Витя Елисеев, Алик Шишханов, Владик и Сергей Осипянцы и я) кому-то из моих друзей пришла в голову гениальная мысль использовать вместо монет «чакушки» - крышки от бутылок, блага на нашем углу находилась так называемая «пивнушка», где этих «чакушек» было предостаточно. Мы попробовали, игра понравилась, но обнаружилось неудобство, «чакушки» часто были кривыми и не укладывались в большую стопку, мы начали их слегка приплющивать, через

неделю в эту игру играла уже вся округа, а в следующее лето кто-то принес с улицы Механической потрясающе гладкие как монеты «чакушки», это ребята живущие возле трамвайных путей приспособили для их изготовления трамвай, они просто подкладывали их на рельсы и прятались в кустах.

Мы играли в эту игру несколько лет, пока наши выигрыши не превратились в огромные кучи мусора раздражавшие родителей. Насколько я знаю игра была популярна в разных районах города. А на нашей улице интерес к ней не прекращался вовсе - менялись только игроки.

Вспомнил еще одно забытое слово из детства - "канаться". Это было очень емкое слово, но я пытаюсь вспомнить только тот его смысл который касался коллективных игр - когда надо былоделиться на более или менее равные по уровню команды, чаще всего это было связано с футболом. Как правило, лидеры двух будущих команд определялись бесспорно, а вот поделиться кто за кого из них играет было сложнее - авторитет лидеров был разный. Для справедливого разделения будущие игроки делились на пары согласно безошибочного уличного или школьного "рейтинга", и они должны были канаться между собой. Были еще какие-то способы, но я помню, что мы всегда канались на палках, прутиках или даже спичках. Первый из каняющихся охватывал всей рукой основание палки, или двумя пальцами -спичку, второй - брался выше, как можно плотнее, и т.д., до тех пор пока есть за что браться. Дальше не помню - либо последний взявшийся имел право выбора команды, либо все последние собирались в одну команду, а их напарники в другую. Когда вспоминаешь это - поражаешься насколько же разумно все было придумано и видимо задолго до нас. И еще раз понимаешь какой мудрости учила нас любая игра, особенно коллективная.

Конечно, у нас было больше возможностей для таких игр чем у нынешних детей. И город наш был не сильно урбанизирован и климат позволял долго находиться на улице, и, еще не было такого расслоения общества. Мы могли играть с детьми из очень разных слоев общества учась друг у друга (в том числе и на отрицательных примерах). В любом случае это расширяло наш житейский кругозор. У нынешних детей кругозор значительно шире нашего, и они вообще меньше зашорены, но кажется они значительно хуже знают реальную жизнь. Компьютер и телевизор заменили им уличную "шпану", что многие люди считают полезным, лишь бы не слонялся со шпаной. А мы уже в детстве научились и различать людей и уживаться с ними, в том числе, и с теми кого опасается общество. Тема игры это большая философия. Давайте продолжим наши ... воспоминания об играх. В "вертолетики" мы конечно тоже играли, но это была кратковременная забава, видимо период созревания плода был короток.

По призыву Анны вспомнить другие забавы, вспомнил такие в которых сам ни разу не решился участвовать - катание на "колбасе", т.е. сзади трамвайного вагона (впрочем она у нас называлась по-другому, я уже не помню как) и еще более опасная уже зимняя забава - "катание на майдане", почему -то так называлось катание по льду обычно на коньках, но иногда и на подошвах ботинок, зацепившись специальным крючком (вроде кочерги - тоже имела свое название, которое я забыл) за проезжающий грузовик. Самое сложное было - вовремя отцепиться, пока не выехал на голое от льда и снега место и при этом не попасть

под колеса встречной или идущей следом машины. Да и на глаза водителю попадаться было опасно.

Меня также интересовал источник подшипников - в 50-е годы он был неиссякаем, и мне кажется это были подшипники снятые с военной техники, благо этого добра в те годы было полно везде, у нас рядом была "тепловозка", район примыкающий к железнодорожной станции и там стояли товарные вагоны и чаще открытые платформы на которых перевозили собранную с полей сражений искореженную технику видимо на переплавку, там-то видимо и собирали ребята постарше меня и подшипники и свинец и чего только не притаскивали оттуда. Но тележки видимо из-за отсутствия горок у нас не водились - только самокаты, на которых ездили стоя со страшным грохотом, под яростный вой собак и осуждающие крики старушек. Массовое увлечение самокатами у нас закончилось кажется в начале 60-х, видимо иссяк источник подшипников. Примерно в то же время очень популярны были ходули. Мы пытались даже играть на них в футбол. Велосипеды были мечтой каждого "пацана" и, наверное, большинства девчонок. Но они были не всем доступны, причем если в 50-е годы родителей сдерживали материальные проблемы, то уже в середине 60-х более важным аргументом в отказе любимому чаду была безопасность на дорогах. Да и вообще велосипед не был признаком того времени и того места, где мы жили, он повсюду популярен и сейчас.

Вот вспомнил еще одно опасное увлечение тех лет - "поджигушки" (разновидность "пугач"а), впрочем их называли и по-другому, но я запомнил только это название. Из чего только их не делали и чем только не заряжали. Некоторые так изощрялись в форме, стараясь сделать его похожим на пистолет, другие старались добиться максимального грохота. Это занятие не прошло безнаказанным, кроме мелких ожогов были и неприятные - кому-то из наших ребят оторвало пальцы на руке, а на соседней улице кому-то сильно обожгло все лицо.

На какое-то время, под напором и бдительным надзором взрослых мы затихали, но потом все опять начиналось сначала. Помню, что в середине 60-х на "Еврейской слободке" можно было купить весьма квалифицированно сделанный (кустарный, конечно) пугач с "боеприпасами" к нему, он выглядел как пистолет, но заряжался через ствол и поджигался спичкой, он был безопаснее большинства наших самоделок, но грохоту производил много. Но чтобы купить его надо было решиться прийти на слободку с деньгами и найти там ровесника-"дилера", который продаст тебе и пистолет и, как говорили, много чего другого.

Ребята, которые ходили туда и имели там знакомства пользовались авторитетом, как "бывалые" люди. У нас таких не было, но в 20 школе было несколько таких авторитетов. Вообще тогда была мода на "блатное", мы пели блатные песни, подражали блатному жаргону и даже стилю одежды. Но надо было знать меру, тех, кто заходил в этом подражании слишком далеко, называли "приблатненными" и презирали. В отличие от настоящих "блатных", которых иногда уважали, но чаще боялись.

Поскольку все мое детство делилось между книгами и играми, а учеба проходила между делом, а школа была и игротекой, и библиотекой (кстати, в школе играли в «Вашу зелень», «перышки» и другие высокоинтеллектуальные игры), тема игр для меня

неисчерпаема, поэтому надо остановиться и дать вспомнить другим, может что-то упорядочится в моих спонтанных воспоминаниях.

Вот вспоминал о мороженом, и как теперь понимаю (опять же благодаря Льву Вениславскому), два павильона слились в моей памяти в один - очаровавший в раннем детстве Мишка и легкий изящный ПАВИЛЬОН более позднего времени. И все же оба они были прекрасны, как и само детство и тот город.

В школе я изучал немецкий язык, в то время в нашей школе, да видимо и во всех других изучался один из двух языков: немецкий или английский, у нас в школе это было через класс, то есть, если А и В классы изучали английский, то остальные - немецкий. Но такое имя нельзя было не запомнить. Фамилию я правда не помнил, Леокардия Станиславовна вела английский у моей жены - Ирины Елисеевой, и по ее признанию, она запомнила только то что изучала в школе, дальнейшее обучение в вузе ничего ей не добавило. Значит прав Сергей Ванин - высокий был уровень преподавания. Вообще-то если вспомнить преподавание в английского в школе в те времена, то надо признать, что уровень был очень низкий даже в городских школах. Как показатель - у нас в институте геологи изучали только английский, были подгруппы "начинающих" и "продолжающих". Бедные "продолжающие" как же им было тяжело, особенно у такого сильного, но безжалостного педагога какой была Неткачева, думаю, что многие ее помнят. Из 50-ти геофизиков около 10 человек после первого курса провалилось либо только, либо, в основном из-за английского. И все они были "продолжающие". В этой связи не могу не вспомнить добрым словом свою первую англичанку, к сожалению, помню только фамилию - Степаненко. Она спокойно, доброжелательно и ненавязчиво обучила нас азам грамматики и произношения. Дальнейшее зависело от нас. Когда я через несколько лет после института взялся изучать язык, мне казалось, что я ничего не помню. Но мне понадобилось лишь расширить словарный запас и набраться практики, остальное (в том числе основы грамматики) вспомнилось быстро.

Не могу вспомнить своих географичек, помню только первая была с армянской фамилией, а у второй было отчество Никитична и она вела в старших классах, кажется, Географию СССР. Узнав, что я собираюсь поступать на геофак, она резко взялась за меня, спрашивала чуть ли не на каждом уроке, завалила дополнительными заданиями, так продолжалось до тех пор, пока я не узнал, что сдавать вступительный экзамен по географии мне не придется. Тем не менее мне и моему другу Коле Пагину пришлось сделать "стенд" с картой Чечено-Ингушетии, нарисованной на сером холсте, на который были наклеены выпиленные из фанеры условные обозначения крупнейших заводов республики, за что мы оба получили годовые пятерки, а стенд долго висел, кажется, на втором этаже, возле какого-то кабинета. У другой преподавательницы - химички Галины Алексеевны Головиной была еще более интересная мысль, она завлекла нас в химический кружок и уговаривала сделать действующую модель крекинг-установки. Представляете какой самогонный аппарат мы бы сварганили, если бы у нас руки были лучше пришиты.

Снаружи здания 1-ой, 2-ой и 3-ей школ разительно отличались от школ - новостроек, от них веяло гимназической стариной, и аристократизмом, что-ли, во-всяком случае здание моей родной 20-школы казалось по сравнению с ними плебейским. Внутри помню только вторую школу, она была потесней, но уютней нашей школы. А вообще-то 2-ая школа

вызывала у меня какой-то пиетет, я имею ввиду здание и окружавшую его ауру. Впечатление усиливалось органично примыкавшим зданием ГНИ - похоже при его строительстве придерживались старого стиля. Взгляните на фото старого корпуса - оно похоже на профессора дореволюционного университета (если судить по фильмам) - строгая без вычурностей одежда (никаких вольностей!), фундаментальность, основательность, а рядом - профессорский сыночек - 2-ая школа. Одет как папа, только ростом поменьше. И эта интеллигентная пара когда-то прекрасно дополнялась стоявшим на почтительном расстоянии пролетарием - кинотеатром имени Челюскинцев.

Но что было одинаково хорошо и в моей школе и в старых, а потом потихоньку исчезло - школы были для детей, потолки высокие, коридоры просторные, а главное классы - для учеников, и учителя приходили к нам. Потом, когда учились мои дети, всё поменяли местами (якобы в интересах детей). Система кабинетная, вся перемена уходит на переход из кабинета в кабинет, когда там общаться внеклассно с учителем или с друзьями?

Наша "пивнушка" на углу Грибоедова и Рабочей, где мы собирали "чакушки", тоже называлась "винница", до тех пор, пока не запретили продавать вино в розлив, и тогда там стали продавать только пиво, а поскольку разливное было не всегда, народ брал нелюбимое бутылочное. Может поэтому и высоко ценились "чакушки" от "Нарзана", что его мало пили, видимо народ был здоровее.

По поводу анекдотов Армянского радио вспомнил чисто грозненский: "У Армянского радио спрашивают - что находится за космосом, ответ - не знаем, наверное опять космос, спросите лучше у грозненского, грозненское радио ответило незамедлительно - у нас это каждый ребенок знает - за "Космосом" - вырезатель". Кажется, потом на его месте воздвигли бассейн.

По улицам города ходили точильщики и лудильщики, но лудильщик у нас в округе был свой и не один, на повозке кроме старьевщика (что он кричал я и тогда не понимал, тем более, не запомнил) ездил сборщик абрикосовых косточек, а может это был один и тот же человек, но в разное время года. Говорили, что он дает за килограмм(!) косточек глиняную свистульку. По-моему, у нас на улице никто ни разу не позарился - уж больно они вкусные были эти косточки.

Совсем раннее детство, у бабушки, на Бароновке - часто приходили канатоходцы, они приходили на верблюдах, ставили палатку возле "Ишхановского магазина", созывая народ ходили по окрестным улицам, трубя в длинные трубы (типа среднеазиатских), а в это время на небольшой площади возле магазина ставились два высоченных шеста высотой метра три (хотел бы знать какое использовалось дерево и где они его находили, если учесть что это были скорее всего выходцы из Дагестана?). А когда народ собирался - а это в основном неработающие женщины, пожилые люди и детвора - начиналось представление. Наибольшее восхищение у меня вызывали дети лет 8-10 бесстрашно ходившие по канату, выполнявшие какие-то трюки их то я уже не помню. Мне было года 3-4, я еще не очень уверенно ходил по узкой доске, а качающийся под ногами Бароновский мост вызывал ужас и желание скорее проскочить это место. А тут дети ходят по толстой, качающейся веревке.

Кстати, о детских радостях тех лет, кроме уже упоминавшегося и непреходящего мороженого, тогда деликатесом были кукурузные хлопья и халва. А в праздники (в дни

демонстраций) родители при скромных возможностях и бедном ассортименте покупали мне ширпотреб - глиняные свистульки, трещотку - глиняная катушечка на веревочке, при раскручивании веревки издавала характерный треск, "петушки" из расплавленного сахара на палочке, глиняные шарики обернутые фольгой на тонкой резиночке. Даже надувные шарики были дефицитом, зато помню как продавались надувные бычьи пузыри. Дешевые нехитрые детские радости.

Уже позже фольга от шоколадных конфет - "золото", использовалась нами для производства "медалей". Надо было сначала с помощью ногтя большого пальца распрямить "золото" до состояния блеска, затем наложить ее на гербовую сторону монеты, лучше всего подходил пятак - он был самый большой, и снова поглаживая ногтем "золото" добиться появления отпечатка герба на фольге.

Я помню, как ждали Хрущева. Это было в последний год его правления, авторитет его в народе резко упал, партийная чернь осмелела, и начала устраивать ему обструкции. Мой папа, работавший в то время на железной дороге, как дисциплинированный член партии был допущен (или назначен) в число "представителей народа, случайно собравшихся на вокзале". Сначала планировалась, а вернее в силу непредсказуемости Хрущёва, предполагалась как вполне возможная, поездка по городу, за день до приезда "народу" объявили, что Хрущев чем-то недоволен и решил ограничиться митингом на вокзале. Папа, не любивший Хрущёва за предательство им Сталина, был очень недоволен необходимостью простоять часть своего выходного дня в бестолковом ожидании поезда и выслушивании никому не нужной речи. По тому что он рассказывал, я пытался представить себе Хрущева, взбирающимся на свой бронированный вагон, как Ленин на бронепоезд и всё задавал папе глупые вопросы - вроде того - "А лестница внутри вагона или снаружи?", "А есть у него в вагоне микрофон, и как он без него будет говорить с такой высоты?" и т.д. Поскольку меня интересовали эти технические вопросы, я с нетерпением ожидал возвращения папы, ждать пришлось долго. Оказалось, местные парторганы не знали точного времени прибытия поезда и решили, дабы не накалять обстановку чрезмерно, ограничить состав митингующих - только городская партийная элита и некоторое количество рядовых членов железнодорожной парторганизации. Они простояли несколько часов под открытым небом на оцепленном милицией вокзале (естественно, все поезда на это время были отменены и вокзал очищен от пассажиров роль которых и должны были играть "допущенные"). Наконец объявили, что поезд приближается, началась суета, оркестр приготовился, но поезд прошуровал мимо, даже не притормозив. Растерянное руководство пошло выяснять в чём дело и через некоторое время всем было велено разойтись, а в "народе" пополз слух, что на аналогичном мероприятии в городе Орджоникидзе, Генсека "простой народ" закидал помидорами, чего же ему было ждать в Грозном? Мой папа был доволен - раз позволили такое, значит скоро Хрущёва уберут, правда, как это будет сделано никто себе не представлял, точнее знали только один путь - физическое уничтожение, но многие ждали этого с надеждой на лучшую жизнь.